

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-33-41

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Борис Чамалович Бижоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bizhoviev1952@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Б.Ч. Бижоев, 2021

Анотация. В статье прослеживаются основные этапы двухвековой истории изучения одной из главных глагольных категорий кабардино-черкесского языка – категории времени. Критический анализ соответствующих разделов всех существующих грамматик и специально посвященных данной теме монографий и других значимых публикаций показывает, что первый исследователь кабардино-черкесского языка выявил все основные временные образования и в последующем предложенный им состав и формы времен не претерпели особых изменений. Расхождения в основном наблюдаются в определении значений тех или иных форм, в результате чего происходит разноречивость в применяемой терминологии и составляются разные системы классификации времен. По отношению к нынешнему состоянию исследования мы пришли к выводу о том, что в настоящее время в кабардино-черкесоведении можно выделить две главенствующие позиции, одна из которых исходит из того, что все временные формы нужно делить на две группы в зависимости от того, выражено ли действие по отношению к настоящему моменту или же к определенному моменту в прошлом. Представители другой позиции опираются на грамматическую сторону вопроса, конкретнее на словообразование форм времен. Они справедливо критикуют своих оппонентов за то, что именно в плане грамматики они не предлагают морфологического показателя, который последовательно разграничивал бы предлагаемые ими две группы. Существование семантического и грамматического подхода к категориям времени привело к своеобразному парадоксу в практике изучения кабардино-черкесского языка – на школьном уровне выбрана как наиболее доступная для этого возраста классификация на семантической основе, в вузе студентов переориентируют на другую систему, что в принципе происходит безболезненно, поскольку, как уже отмечено, по составу и формам времен обе позиции идентичны.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, категория времени, перфект, имперфект, плюсквамперфект, аорист, формант, суффикс, парадигматика

Для цитирования: Бижоев Б.Ч. Категория времени и проблема систематизации временных форм в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 33–41. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-33-41

Original article

CATEGORY OF TIME AND THE PROBLEM OF SYSTEMATIZATION OF TIME FORMS IN THE KABARDINO-CHERKASSIAN LANGUAGE

Boris Ch. Bizhoviev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bizhoeff1952@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© B.Ch. Bizhoeff, 2021

Abstract. The article traces the main stages of the two-century history of studying one of the main verb categories of the Kabardino-Circassian language – the category of tense. A critical analysis of the relevant sections of all existing grammars and monographs and other significant publications specially devoted to this topic shows that the first researcher of the Kabardino-Circassian language identified all the main temporary formations and subsequently the composition and forms of tenses proposed by him did not suffer any special changes. Discrepancies are mainly observed in the definition of the meanings of certain forms, as a result of which there is a discrepancy in the terminology used and different systems of classification of times are drawn up. In relation to the current state of the study, we came to the conclusion that at present in the Kabardino-Circassian studies two dominant positions can be distinguished, one of which proceeds from the fact that all temporary forms should be divided into two groups, depending on whether action in relation to the present moment or to a certain moment in the past. Representatives of the other position rely on the grammatical side of the issue, more specifically on the word formation of the forms of tenses. They rightly criticize their opponents for the fact that in terms of grammar they do not offer a morphological indicator that would consistently distinguish the two groups they propose. The existence of a semantic and grammatical approach to the categories of time led to a kind of paradox in the practice of studying the Kabardino-Circassian language – at the school level it was chosen as the most accessible classification for this age on a semantic basis, at the university students are reoriented to another system, which, in principle, is painless, since, as already noted, both positions are identical in composition and forms of times.

Keywords: Kabardino-Circassian language, category of time, perfect, imperfect, pluperfect, aorist, formant, suffix, paradigmatics

For citation: Bizhoeff B.Ch. Category of time and the problem of systematization of time forms in the Kabardino-Circassian language. *Vestnik KBIGI* = КБИHR Bulletin. 2021; 3 (50): 33–41. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-33-41

Глагольная категория времени является одной из наиболее важных для функционирования любого языка. Не является исключением в этом плане и кабардино-черкесский язык, который отличается богатым разнообразием форм выражения времени. Не удивительно поэтому тот факт, что данная категория оказывалась в центре внимания фактически всех исследователей, прикасавшихся к грамматике адыгских языков.

Автор первой грамматики кабардино-черкесского языка Ш.Б. Ногмов, перечисляя «главные принадлежности каждого глагола» (имеются ввиду его категории – Б.Б.), первой называет время [Ногмов 2020: 72], при этом отмечает то обстоятельство, что «глаголы в кабардинском языке чрезвычайно обильны временами» [Ногмов 2020: 77]. Он выявил фактически все основные формы времени: настоящее (*слагур* – *солъагъур* «вижу его»), *сыкаагаур* – *сыкъальагъур* «меня они видят»), прошедшее приходящее (*згакерахой* – *згъэкIэрэхуащ* «я вертел»), прошедшее совершенное (*сейгащ* – *седжащ* «я прочитал»), прошедшее несовершенное (*сыдаанукой* – *сыдэIэпыкъуащ* «я помогал»), давно прошедшее *стхыгай* – *стхыгъащ* «я давно писал»), будущее I (*сийытхунй* – *сыытхъунуц*), будущее II (*сийытхугой* – *сыытхъунуц* «я буду хвалить») [Ногмов 2020: 74].

Приведенный Ногмовым перечень времен безупречен даже с точки зрения современного состояния изученности кабардино-черкесского языка. Правда, Ногмовым не выделены формы с суффиксом *-т*, что вовсе не значит, что он их не заметил: он предвеляет парадигматику глагола такими словами: «мы привели здесь лишь только те изменения (формы – Б.Б.), кои необходимы в обыкновенном разговоре» [Там же], т.е. автор сознательно ограничивается наиболее употребительными в языке временами. И еще на один факт стоит обратить внимание – форма,

которую Ногмов назвал прошедшим несовершенным, скорее всего это то, что сейчас принято называть аористом. Правда, немного смущает то обстоятельство, что приводимые при этом примеры несколько отличаются от нынешних аористных форм, ср. у Ногмова *сыдэ́Эпыкьуэц* с современным *сыдэ́Эпыкьуц* «помог ему». Данный факт можно трактовать двояко: или это следствие несовершенства ногмовского алфавита, или же в его время аористные формы употреблялись в языке в таком виде.

Автор наиболее достоверного дореволюционного грамматического очерка кабардино-черкесского языка Л.Г. Лопатинский подробно описывает способы производства временных форм. Их он приводит 8: настоящее (*солъагъу* «вижу»), прошедшее повествовательное или аорист (*слъагъуц* «я увидел»), прошедшее несовершенное (*слъагъут* «я видел»), прошедшее совершенное (*слъагъуац* «я увидел»), давнопрошедшее (*слъагъуат* «я видел»), отдаленнопрошедшее (*бжеслэгъац* «я тебе когда-то говорил»), преждепрошедшее (*слъагъурт* «прежде я видел»), будущее (*слъагъуниц* «я буду видеть, увижу») [Лопатинский 1890: 19–24]. Если сравнить с предшественником, выявляется, что Л. Лопатинский, в отличие от Ш. Ногмова, расширяет круг временных форм за счет привлечения образований с суффиксом *-т* – из восьми приводимых подобные формы составляют 3: *слъагъут* (прошедшее несовершенное), *слъагъуат* (давнопрошедшее), *слъагъурт* (преждепрошедшее). Здесь же автор впервые по отношению к адыгским языкам применяет термин «аорист» и правильно характеризует функциональную сущность этого явления [Лопатинский 1890: 21]. В то же время Л. Лопатинский выделяет только одну форму будущего времени на *-н*, тогда как Ш. Ногмов верно различает две временные образования со значением будущего времени, образующиеся с помощью суффиксов *-н* и *-ну*.

Нельзя не обратить внимание на такую важную деталь в работе Л. Лопатинского: он подробно описывает ситуации, при которых носители языка используют ту или иную форму, и параллельно приводит языковые средства русского языка, применяемые в тех случаях, все это иллюстрируется наглядными примерами.

В годы советской власти изучение языков народов СССР стало делом государственным. Один из первых исследователей кабардино-черкесского языка из числа носителей данного языка Т.М. Борукаев выпустил в 1932 году грамматику, сочетавшую в себе и научную и педагогическую функции [Борукаев 1932]. О формах времен здесь сказано довольно сжато. Кроме настоящего времени (*соклуэ* «я иду»), автор выделяет две «основные» разновидности прошедшего времени – собственно прошедшее (*сыклуац* «я пошел») и давнопрошедшее (*сыклуэгъац* «я пошел давно»). Вот что он пишет о других формах прошедшего времени: «некоторые лингвисты размножают существующие в кабардино-черкесском языке прошедшие времена, подразделяя их на перфект, плюсквамперфект, имперфект и аорист, но такое подразделение более характерно для видовых глаголов» [Борукаев 1932: 59]. Из двух форм будущего времени первая образуется, как он считает, от инфинитива (*сыклуэниц* «я пойду»), а вторая «путем присоединения к основам инфинитива суффикса будущего времени *-у*, после которого присоединяется к нему положительный или отрицательный суффикс *-ц* или *-кьым*» [Там же].

Весомый вклад в исследование адыгских языков сделал Н.Ф. Яковлев, подготовивший грамматику адыгейского языка совместно с Д.А. Ашхамафом [Яковлев, Ашхамаф 1941] и грамматику литературного кабардино-черкесского языка [Яковлев 1948]. В последней он выделяет следующие времена: настоящее, прошедшее совершенное (перфект), прошедшее несовершенное и многократное (имперфект), преждепрошедшее совершенное (плюсквамперфект), давнопрошедшее совершенное (давний перфект), давнее преждепрошедшее (давний плюсквамперфект), будущее фактическое и будущее возможное или необходимое [Яковлев 1948: 86]. Характеризуя способы образования перечисленных времен, автор приходит к

заклучению о том, что «кабардинские имена и причастия служат основой образования кабардинских времен» [Там же]. Обращает на себя внимание частичное совпадение применяемой в данном труде терминологии с названиями, данными временным формам Л. Лопатинским. В то же время классификация времен, сделанная Н.Ф. Яковлевым, во многом является новаторской. Достаточно отметить такой факт, что целый ряд терминов Н.Ф. Яковлева закрепились в лингвистическом адыговедении, например, предложенные им впервые названия «будущее фактическое» и «будущее возможное» и поныне остаются общепризнанными у специалистов. Н.Ф. Яковлевым «узаконено» также параллельное использование в адыговедении, наряду с русскими, также и интернациональных терминов (перфект, плюсквамперфект, имперфект и т.д.). При этом он почему-то избегает удачного, на наш взгляд обозначения «аорист».

Известный советский языковед Г.Ф. Турчанинов проявлял интерес к кабардино-черкесскому языку. При содействии помощника-информатора М. Цагова он подготовил и издал в 1940 году Грамматику кабардино-черкесского языка [Турчанинов, Цагов 1940]. Система времен, приводимая в данном труде, выглядит следующим образом: прошедшее I (законченное), прошедшее II (мгновенное), прошедшее III (преждепрошедшее), давнопрошедшее, будущее I, будущее II, настоящее [Турчанинов, Цагов 1940: 108]. По приведенным примерам очевидно, что здесь нет форм, не встречающихся в предшествующих исследованиях, однако Г. Турчанинов предпочел предложить свою терминологию. Например, называемое им «прошедшим вторым (мгновенным)» время – это то же самое, что у Л. Лопатинского «аорист» (*иуклц* «убил», *епльц* «посмотрел» и т.д.), прошедшее III (преждепрошедшее) у Н.Ф. Яковлева преждепрошедшее совершенное или плюсквамперфект (*иуцлэм* «сделал тогда», *кхуат* «ходил» и т.д.). Оригинальностью анализируемой системы является также разграничение двух разновидностей настоящего времени – настоящее «обычное» (*соджэ* «читаю») и настоящее-прошедшее (или настоящее историческое). Последнее имеет, как пишут авторы, два варианта, которые отличаются друг от друга тем, что в одном из них присутствует согласный *-р* (*сыкхуэрт* «я ходил (в прошлом)», в другом его нет (*яжеслэт* «я им говорил (тогда)» [Турчанинов, Цагов 1940: 113–117]. У предшественников данные формы отнесены к прошедшим временам, у Л. Лопатинского, например, это прошедшее несовершенное.

Специальное монографическое исследование категории времени в кабардино-черкесском языке проведено А.Х. Налоевым [Налоев 1956], им же опубликован ряд статей, посвященных классификации времен, характеристике конкретных временных форм [Налоев 1957, Налоев 1958]. Предложенная А.Х. Налоевым система не похожа ни на одну из предыдущих, на ней стоит остановиться более подробно, тем более, что на основе данного исследования А.Х. Налоев разработал раздел, посвященный категории времени, для двух академических научных грамматик кабардино-черкесского языка, вышедших в 1957 [Грамматика 1957: 115–121] и в 1970 годах [Грамматика 1970: 131–138]. Исходной позицией при классификации временных форм для автора служит установка о том, что «грамматическая категория времени в кабардино-черкесском языке выражает отношение времени действия глагола к моменту речи или же к определенному моменту в прошлом» [Грамматика 1957: 115]. В соответствии с этим времена делятся на две группы. К первой из них относятся те формы, которые выражают отношение времени действия глагола к моменту речи и, соответственно, во вторую группу входят формы, где время соотносено с другим временем в прошлом. Если в первой группе нет общего морфологического показателя, то для второй таковым является суффикс *-т*.

Три формы, включенные в первую группу, получили такие названия: 1) настоящее первое (*уоджэр* «учишься») (динамическая форма), *сыццытц* «стою») (статическая форма), 2) прошедшее первое (*сабийр жезиц* «ребенок уснул») (прошедшее дли-

тельное), *слъагъугъащ* «я увидел тогда» (отдаленное прошедшее), *ягъэтIысакIэц* «арестовали уже» (прошедшее законченное), 3) будущее первое (*къэкIуэнуц* «придет») (будущее фактическое), *тихыниц* «съешь» (будущее возможное).

Вторая группа также состоит из трех времен: 1) настоящее второе (*сыкIуэрт* «иду было» (динамическая форма), *уцыст* «ты сидишь было» (статическая форма); 2) прошедшее второе, как и прошедшее первое разграничено на три формы: прошедшее длительное с суффиксами *-а*, *-т*, отдаленно-прошедшее с теми же показателями и прошедшее законченное с суффиксами *-а*, *-кI*, *-т*; 3) будущее второе с двумя разновидностями: будущее фактическое на *-нут* и будущее возможное на *-нт*. Далее приводится еще одна временная форма – аорист, который «выражает значение прошедшего времени, но мгновенность протекания действия придает ему оттенок настоящего времени» [Грамматика 1957: 120]. В грамматике 1957 года А.Х. Налоев оставался на позиции своей диссертации и считал, что аорист «не может быть отнесен ни к одной из указанных групп» [Там же], однако он в дальнейшем пересмотрел отношение к данному временному образованию: в следующей грамматике (1970) уже появляются аорист первый и аорист второй, включенные в соответствующие группы. Аорист первый употребляется с утвердительным суффиксом *-ц* при отсутствии показателей прошедшего времени на *-а* и будущего времени *-н* / *-ну*: *НасытыфIэу зэман дахэм дыхальхуэц* «В счастливое время мы рождены (рождаемся)» [Грамматика 1970: 135]. Аорист второй с формантом *-т*, как отмечает автор, выступает только в положительной форме и редко употребляется: *Хэт и лей къыплъыст?* «Чьему насилию ты подвергся (было)?» [Там же: 138].

Как видим, данное новшество было серьезным вкладом, которое преобразило первоначальную классификацию А.Х. Налоева – теперь система состояла из двух групп, каждая из которых включала четыре формы. Таким образом, А.Х. Налоев не довольствовался достигнутым и продолжал трудиться над проблемой. Большую ценность представляют также его разработки, где он демонстрирует функциональные возможности временных форм. Фактически каждая из них может выражать различные значения в зависимости от контекста. Например, настоящее первое различает следующие оттенки:

- 1) оно может показывать продолжительность действия, непосредственно совпадающего с моментом речи: *уэ жоIэр* «ты говоришь»;
- 2) может выражать общее постоянное действие (состояние), т.е. действие, которое происходит в прошлом, в момент речи, в будущем: *Дунейр цэрхъци мэкIэрахъуэ* «Мир колесо (есть) и вертится» (поговорка);
- 3) может употребляться в значении прошедшего времени для оживления событий прошлого;
- 4) в сочетании с некоторыми временными наречиями выступает в значении будущего: *Пцэдей сожьэр* «Завтра выезжаю» [Грамматика 1957: 116].

Свое виденье временной системы кабардино-черкесского языка изложил в вузовском учебнике по морфологии данного языка Х.Ш. Урусов [Урус 2001: 164–168]. Работа, изданная на кабардино-черкесском языке, прежде всего вызывает интерес с точки зрения примененной в ней терминологии: ит (настоящее), блэкIа-зэфIэмыкIа (прошедшее незавершенное), блэкIа-зэфIэкIа (прошедшее завершенное), блэкIа-зэфIэкIам и пэ кьит (предшествующее прошедшему завершенному), блэкIа жьжъэ зэфIэкIа (давнопрошедшее завершенное), блэкIа жьжъэ зэфIэкIам и пэ кьит (предшествующее давнопрошедшему завершенному), блэкIа-гъэкIэщIа (прошедшее укороченное), къэкIуэну белджылы (будущее определенное), къэкIуэну мыбелджылы (будущее неопределенное). В скобках мы даем калькированный перевод терминов Х.Ш. Урусова, сам он параллельно к ряду названий дает интернациональные термины: блэкIа-зэфIэмыкIа – имперфект, блэкIа-зэфIэкIа – перфект, блэкIа-зэфIэкIам и пэ кьит (плюсquamперфект), блэкIа-гъэкIэщIа – аорист. Ниже мы увидим, что не всегда совпадают временные формы,

по отношению к которым применяют интернациональные термины разные исследователи. У Х.Ш. Урусова имперфект – это формы, образующиеся с помощью суффикса *-рт* от динамических глаголов (*кьаклуэрт* «приходил») и суффикса *-т* от статических (*щыст* «сидел»); перфект – форма с суффиксом *-а* (*лэжьащ* «работал»), имперфект – форма, образующаяся от перфекта путем замены суффикса *-щ* на *-т*: *сыкдуа-щ* «пошел» → *сыкдуа-т* «пошел тогда», аорист – это формы, образующиеся при выпадении из перфекта суффикса *-а*: *клуэрт*, *кьаклуэщ* [Урыс 2001: 187]. Х.Ш. Урусов отмечает тот факт, что в кабардино-черкесском языке временные формы имеют также и отглагольные образования – причастие и деепричастие. Правда, у них данная категория имеет свою специфику. Нам приходилось останавливаться на этой проблеме более подробно при монографическом исследовании причастий [Бижоев 1991: 55–63, 105–110]. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в целом причастия отличаются ущербностью по количеству образующихся от них временных форм по отношению к финитным глаголам: 8 форм у финитных (по М.А. Кумахову) и 4 – у причастий. Такая разница происходит по причине того, что причастия в литературном языке не производят временные формы с суффиксом *-т*, показывающие отношение времени действия к определенному моменту в прошлом. Таким образом, причастия имеют следующие формы: настоящее (*тельыр* «лежащий» на чем л.), перфект I (*исар* «сидевший в чем-л.»), плюсквамперфект I (*здуклыгьар* «убивший кого-л. давно»), будущее II (*зыфлхьынуур* «от кого он унесет») [Бижоев 1991: 57–58]. В то же время нельзя не отметить тенденцию к расширению временной парадигматики причастий под влиянием диалектов и говоров, что ведет к сближению временной парадигматики причастий с временной парадигматикой финитных глаголов [Бижоев 2005: 133–134].

В последней по году издания грамматике кабардино-черкесского языка категорию времени написал М.А. Кумахов [Кабардино-черкесский язык 2006: 206–215]. В вступительной части он подверг критическому анализу наиболее популярную в то время и кажущуюся, на первый взгляд, логичной и стройной схему времен, выстроенную А.Х. Налоевым. Как пишет автор, группировка времен, основанная на противопоставлении форм на *-т* формам, составляющим другую группу, предполагает однозначность формата *-т* во всех формах времен, что необходимо для образования в индикативе временной оппозиции по дифференциальному признаку – форма на *-т*: форма без *-т*. Однако не все временные формы с *-т* имеют значение индикатива: если формы *клуат*, *клуэрт*, *клуэгьат* индикативы (изъявительного наклонения), то формы *клуэнт*, *клуэнут* имеют значение конъюнктива (сослагательного наклонения) [Кабардино-черкесский язык 2006: 207]. М.А. Кумахов обращает внимание и на такой факт, что представленная как форма настоящего времени *клуэрт* «он тогда шел» попадает в парадигматический ряд прошедшего времени, да и по своему значению (выражение действия в его протекании в прошлом) подобная форма выполняет функцию имперфекта.

Далее М.А. Кумахов предлагает свою классификацию временных форм, включающую следующие:

- 1) настоящее: *соклуэ* «я иду» (динамический глагол), *сыщылъщ* «я лежу» (статический глагол);
- 2) будущее I на *-н*: *сыклуэниц* «я пойду»;
- 3) будущее II (категорическое), которая образуется от будущего I с помощью суффикса *-ну*: *сыклуэнуц* «я пойду»;
- 4) перфект I с суффиксом *-а*: *зд-а-щ* «я сшил», *сыщыс-а-щ* «я сидел»;
- 5) перфект II образуется от перфекта I посредством суффикса *-т*, указывающего на то, что действие протекало в ограниченное время: *сыклуат* «я ходил тогда»;
- 6) имперфект образуется с помощью суффикса *-т*, в динамических глаголах может присутствовать факультативный суффикс *-р*: *сыклуэ-т* / *сыклуэ-р-т* «я шел»;

7) плюсквамперфект I, в основе которого *-гъа*: *кӀуэ-гъа-иц* «ходил давно»;

8) плюсквамперфект II образуется от основы плюсквамперфекта I с помощью суффикса *-т*, указывающего на то, что действие происходило в ограниченное время: *сыкӀуэ-гъа-т* «я ходил тогда»;

9) аорист: *ирихуиц* «он выгнал», *кӀуэри* «он пошел и...».

М.А. Кумахов более подробно останавливается на последней форме, «поскольку он обладает целым рядом специфических особенностей, выявлены не все его формы, описаны не все конструкции, синтаксически связанные с аористом» [Кабардино-черкесский язык 2006: 211].

Из всех форм, рассматриваемых разными авторами как аористные, он относит к аористам лишь приведенные выше формы *ирихуиц* и *кӀуэри* [Там же: 212].

Обращает на себя внимание тот факт, что М.А. Кумахов предпочитает использование терминов, утвердившихся в теории языкознания, что делает его систему более доступной и для тех лингвистов, которые не являются носителями кабардино-черкесского языка. В то же время, как отмечено выше, происходит некоторый разнобой в применении этих терминов разными специалистами. Например, форма *кӀуэгъаиц* у Х.Ш. Урусова давнопрошедшее завершённое, а *кӀуэгъат* – предшествующее давнопрошедшему завершённому, а у М.А. Кумахова соответственно плюсквамперфект I и плюсквамперфект II; *здаиц* у Кумахова перфект I и *здат* – перфект II, у Урусова они называются перфект и плюсквамперфект. Значение суффикса *-т*, участвующего в построении ряда временных форм, трактуется также по-разному: у А.Х. Налоева и Х.Ш. Урусова он «показывает отношение действия к определенному моменту в прошлом», Кумахов же считает, что он указывает «на то, что действие протекало в ограниченное время».

Подводя итоги, можно констатировать то, что категория времени в кабардино-черкесском языке разрабатывалась длительное время многими специалистами. Они подходили к теме неодинаково, поэтому редко когда у них совпадало количество выделяемых временных форм, а отсюда и классификация времен, составленных ими, выглядит по-разному. К настоящему моменту можно говорить о двух доминирующих позициях: первая из них связана с именем А.Х. Налоева и зиждется на выделении двух групп времен в зависимости от того, что они выражают отношение времени глагола к данному моменту речи или определенному моменту в прошлом. Вторая позиция опирается на способы образования форм времен и она, несомненно, более близка к классическим канонам языкознания. В то же время необходимо отметить, что в школьной практике изучения кабардино-черкесского «налоевская» система классификации более эффективна – по ней учащиеся легче усваивают временные формы языка. Переориентировать тех из них, кто выбрал в вузе филологию, на более безупречный с грамматической точки зрения вариант не составит труда, поскольку в обоих направлениях количество времен и их грамматические формы совпадают.

Список источников

1. Бижоев Б.Ч. Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик: Нарт, 1991. 152 с.
2. Бижоев Б.Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
3. Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарский Облнэцыздат, 1932. 142 с.
4. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 240 с.
5. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970. 216 с.

6. Кабардино-черкесский язык в 2-х т. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.
7. Лопатинский Л.Г. Русско-кабардинский словарь с указателем и краткою грамматикою. Тифлис, 1890. 300 с.
8. Налоев А.Х. Категория времен кабардино-черкесского языка: автореферат дис... на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 1956. 22 с.
9. Налоев А.Х. К вопросу о категории времен в кабардинском языке // УЗКБГПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 251–269.
10. Налоев А.Х. Аорист (в кабардинском языке) // УЗКБГПИ. Нальчик, 1958. Вып. 11. С. 115–118.
11. Ногмов Ш.Б. Исторические и филологические труды. Том III. Начальные правила кабардинской грамматики. Начальные правила атыхейской грамматики (в вариантах). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 198 с.
12. Турчанинов Г.Ф., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. 160 с.
13. Урусов Х.Ш. Кабардинская грамматика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с.
14. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 372 с.

References

1. BIZHOEV B.CH. *Prichastiye v adygsikh yazykakh v sravnitel'nom osveshchenii* [The participle in the Adyghe languages in comparative coverage]. Nalchik: Nart, 1991. 152 p.
2. BIZHOEV B.CH. *Grammaticheskiye i leksiko-frazeologicheskiye problemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammatical and lexico-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El-Fa, 2005. 352 p.
3. BORUKAYEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Kabardino-Balkarskiy Oblnatsizdat, 1932. 142 s.
4. *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 240 s.
5. *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka*. Chast' I. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language. Part I. Phonetics and morphology]. M.: Nauka, 1970. 216 p.
6. *Kabardino-cherkesskiy yazyk v 2-kh t. T. 1. Sozdaniye pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya i sintaksis* [Kabardino-Circassian language in 2 volumes. Vol. 1. Writing, phonetics and phonology, morphology and syntax]. Nal'chik: Izdatel'skiy tsentr El'-Fa, 2006. 549 s.
7. LOPATINSKY L.G. *Russko-kabardinskiy slovar's ukazatelem i kratkoyu grammatikoyu* [Russian-Kabardian dictionary with an index and a short grammar]. Tiflis, 1890. 300 p.
8. NALOYEV A.KH. *Kategoriya vremen kabardino-cherkesskogo yazyka: avtoreferat dis... na soiskaniye uchennoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Category of the times of the Kabardino-Circassian language: abstract of thesis ... for the degree of candidate of philological sciences]. Nal'chik, 1956. 22 s.
9. NALOEV A.KH. *K voprosu o kategorii vremen v kabardinskom yazyke* [On the question of the category of times in the Kabardian language]. IN: UZKBGPI. Nalchik, 1957. Issue. 13. P. 251–269.
10. NALOEV A.KH. *Aorist (v kabardinskom yazyke)* [Aorist (in the Kabardian language)]. IN: UZKBGPI. Nal'chik, 1958. Vyp. 11. S. 115–118.
11. NOGMOV. SH.B. *Istoricheskiye i filologicheskiye trudy*. Tom III. Nachal'nyye pravila kabardinskoj grammatiki. Nachal'nyye pravila atykheyskoj grammatiki (v variantakh) [Historical and philological works. Volume III. The initial rules of Kabardian grammar. The initial rules of the Atyhei grammar (in variants)]. Nal'chik: IGI KBNTS RAN, 2020. 198 s.
12. TURCHANINOV G.F., TSAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940. 160 s.
13. URUSOV KH.SH. *Kabardinskaya grammatika* [Kabardian grammar]. Nal'chik: El'brus, 2001. 232 s.
14. YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. 372 s.

Информация об авторе

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

B.Ch. Bizhoev – Doctor of Philology, leading research scientist, Department of Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 31.08.2021; одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 31.08.2021; approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.